

Д. Камбулов

*Хистервальский
Демон*

Денис Камбулов

Хистервильский демон

«Автор»

2025

Камбулов Д. А.

Хистервильский демон / Д. А. Камбулов — «Автор», 2025

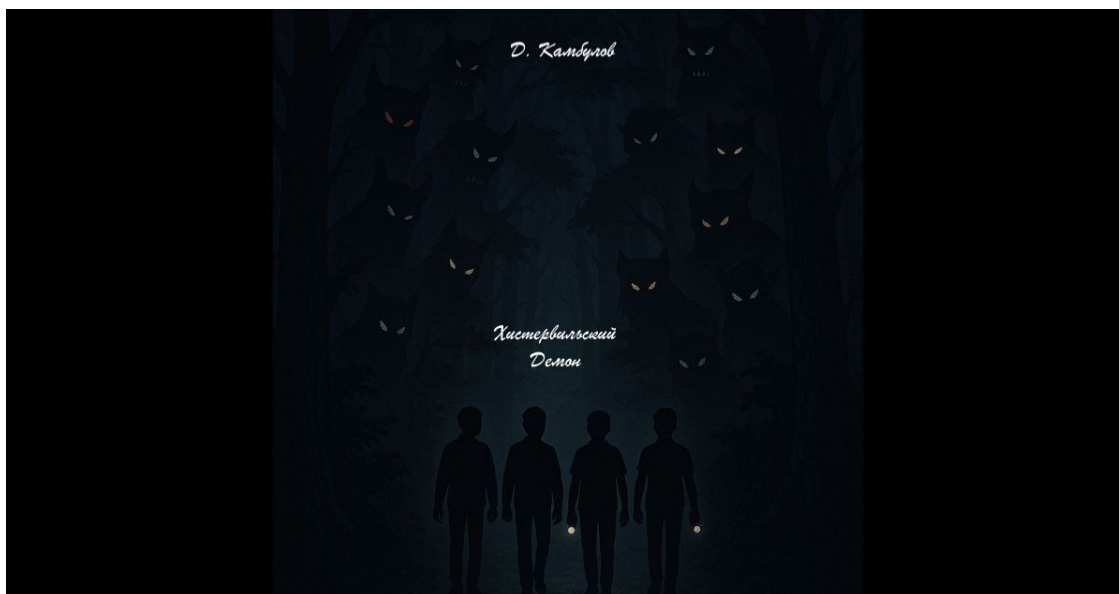
Это не просто история о монстрах. Это история о семье, в которой тайны передаются по наследству, а граница между реальностью и мифом тоньше, чем кажется. Джон-младший с детства видит то, чего не видят другие: огненно-рыжих существ, шепчущие тени, зверей, которых не должно быть. Врачи называют это фантазией. Бабка-ведьма – даром. Но когда в лесах Хистервиля начинаются кровавые нападения, Джон понимает: его "воображаемые друзья" – ключ к чему-то гораздо более страшному.

© Камбулов Д. А., 2025

© Автор, 2025

Денис Камбулов

Хистервильский демон

Пролог

Это было обычное, ничем не примечательное утро. Молодая Элизабет гуляла со своим двухлетним сыном по парку, пока ее муж возился в офисе с бумагами.

Птицы запивали свои песни, а свежая скошенная трава радовала ноздри.

Этот небольшой парк, что находился не так далеко от дома Лизи, был ее любимым местом для прогулок с сыном. Тут часто играли ребята, сидели на лавочках молодые люди, бегали счастливые собаки. Этот маленький клочок зеленой сказки, был тем что могло спокойно увести девушку от тяжелых воспоминаний. Она вдыхала свежий воздух и пыталась улыбаться

Совсем скоро им предстояло отправиться в долгожданный отпуск. Лизи мечтала об этом целых два года! Умчаться куда-то под пальмы, оставив позади северный город, и думать только о себе, муже и сыне.

Ее малыш не был проблемным ребенком. Напротив, он был тихим и спокойным, особенно в сравнении со сверстниками. Его серые глаза часто смотрели вдаль, что выделяло его среди других детей. Лизи списывала это на необычайный интеллект сына, хотя в глубине души скрывала небольшие секреты.

Были ли эти секреты страшными? Нет. Но признаться, что ее двухлетний сын ходит на частные сеансы к психиатру, она не решалась. Мальчик часто видел странных животных. Сначала все списывалось на детскую фантазию, но когда он начал разговаривать, играть, ласкать и даже кормить этих вымышленных существ, Лизи забеспокоилась.

Казалось, это могла быть обычная игра. Доктор Хенк уверял, что так дети познают мир. Но если бы вы увидели своего ребенка, стоящего у окна в крошечной тьме и машущего невидимым птицам, вряд ли бы вы списали это на фантазию. Элизабет тоже не смогла.

Ее муж, Джон, не одобрял происходящего, но частые скандалы раздражали его еще больше. Поначалу и он списывал все на бурное воображение. «Его отец – писатель, вот и передалось! Это же наше семейное», – любил он говорить. Но в глубине души его это пугало. Осо-

бенно после того дня, когда его мама, умирая, позвала его к себе и, хрипя, прошептала: «Старшие корни пробудились».

Детство

Отпуск дал Элизабет наконец-то прекрасную возможность выдохнуть и сбросить лишний груз с плеч. Однако, вернувшись домой, она с расстройством посмотрела на календарь и поняла, что предстоит еще много дел. В тот день Джон был на работе. Он много ворчал по ночам о том, как устал от своей скучной работы бухгалтера, и вот-вот вся жизнь изменится. Лизи верила ему. Возможно, она просто хотела в это верить.

Старый дом мучил молодую девушку. И хоть он не был плох, и деревянные балки, пока что, не падали им на голову, девушка понимала, что вскоре им придется покинуть пристанище их юности. Она мечтала, что когда младший чуть подрастет, она сможет пойти на работу. Казалось бы, это та вещь, от которой хотят избавиться тысячи людей, но лишь попав в монотонную тюрьму бытовых будней, Элизабет поняла, как это тяжело. И, скорее всего, они смогут накопить на новый ипотечный взнос. Эти мечты так сильно увлекали за собой, что молодая Лизи могла просто утопать в них, не замечая, как пробегают минуты за минутами.

Но, тем не менее, мечты – это лишь далекое будущее, а настоящее требует действий.

– Лифитька, – произнес мальчик.

– Что, дорогой?

– Лифитька!

– А... Лисичка?

– Диа! Лифитька...

– Где, дорогой?

Элизабет повертела головой, но ничего не заметила. Лишь разбросанные игрушки на полу – кубики да раскраски.

– Тм! Тм! – с трудом выговаривал Джон, указывая пальцем в пустоту.

– Да! – наигранно воскликнула Элизабет. – Лисичка! Вот она, да?

Ее голос дрожал. «Опять, – подумала она. – Опять все началось». Лизи медленно опустилась на пол, пытаясь сдержать слезы. «Это лишь фантазия... Фантазия, Лизи. Не придумывай, ладно? Не надо этого. Это все пройдет... Пройдет. Мистер Хенкс говорит, что так бывает». Но это были лишь оправдания. Элизабет понимала, что, возможно, ее сын болен, и болен сильнее, чем она думает.

– Мама! Лифитька играет!

– Да, малыш. Ей очень весело!

Элизабет закрыла лицо руками. Сколько она сможет притворяться, что все это нормально? Сколько еще?.. Был один способ избавиться от этого раз и навсегда.

Мать Джона, ее мужа, была мудрой женщиной. Ее любили и уважали в городе, но последние десять лет стали для нее самыми сложными. Бабка Бартон, как ее называли, купила маленький участок в лесу, где занималась странными вещами. Поначалу эта идея казалась отличной,

особенно для Лизи. Наконец-то мама Джона съедет от них! Но кто мог знать, что после этого по городу поползут такие неприятные слухи? Колдовство, ведьма, проклятая Бабка? Господи...

Бабка Бартон, по воспоминаниям Лизи, всегда любила «эзотерику». Она увлекалась странными вещами, любила гулять в лесу, но все это казалось таким невинным. Самое поразительное для Элизабет было то, что Джон младший просто засыпал на ее руках! Никаких скандалов, никаких «Лифитек» – ни-че-го.

К сожалению, Бабка Бартон успела поделиться с Лизи секретом такого «спокойствия». Поначалу, как и всякая нормальная женщина, Лизи отвергла это, но когда приступы «невидимых друзей» участились, она все чаще вспоминала о мешочке со странным снадобьем, который Бабка Бартон тихо отдала ей.

Когда она впервые рассказала Джону об этой идее, у них случился очередной скандал. Элизабет помнила все. Это был вечер перед отъездом мамы Джона:

– Нет! Нет! И еще раз нет!

– Джо, я просто...

– Нет! Я даже слышать не хочу!

– Джон, она же твоя мама, и младшему с ней спокойнее.

– Спокойнее? Да чтоб эта старая ведьма и близко не подходила к моему сыну!

– О чем толкуете, молодые? – произнесла незаметно подошедшая Бабка Бартон.

– Ты! – указал Джон пальцем на мать. – Я пустил тебя в свой дом, а ты пичкаешь моего сына наркотиками!

– Что? – удивленно произнесла она.

– Что? – так же возмутилась Лизи.

– Ты! ТЫ! Убирайся вон!

– Но, Джоу...

– Никаких Джоу! Ты! Я знаю, что это! Высушенные грибы, да? Решила опять своими «народными» средствами воспользоваться?

– Джоу... Не говори тех слов, которые не сможешь забрать назад.

– Видеть тебя не хочу!

Элизабет чувствовала, что за этими словами и агрессивной реакцией скрывалось что-то обоснованное, что она, судя по всему, никогда не узнает. После этого Джон и его мать больше не разговаривали. До самой смерти... Ее муж часто жалел об этом, но иногда мы говорим те слова, которые не сможем забрать обратно.

«Послушай, Лизи... Еще два месяца поддай ему смеси на основе моего снадобья, и на лет десять вы точно забудете о своей проблеме. А там мы что-то решим», – вспомнилось ей улыбчивое лицо старой женщины.

Лизи больше не могла это терпеть. И, не знаю почему, возможно назло мужу, она так и не выкинула тот мешочек. Это был первый день, когда Лизи начала подсыпать сыну таинственный порошок.

Годы идут

Годы шли. Молодой Джон младший рос, и о его прошлых проблемах все позабыли. По крайней мере, предпочитали не говорить об этом. Маленькие секреты, которые замалчивались, умирали в семейном кругу Бартонов. Элизабет сделала все, что рекомендовала Бабка Бартон. Ее муж даже не догадывался об этом, чему Лизи была бесконечно благодарна.

Время шло, и финансовое положение семьи улучшалось. Они переехали в дом побольше, Джон старший стал зарабатывать неплохие деньги за свои «мини-рассказики», а младший был обычным ребенком. Лизи, набравшаяся за те тяжелые годы материнской мудрости, вздыхала с облегчением. И если в ее мире наступил покой, то в мире ее сына происходили новые изменения.

На тот момент Джону младшему было всего шесть лет, но смысленный мальчик уже понимал, что есть вещи, о которых лучше не рассказывать взрослым.

Старый дом мальчик любил. Его мама сильно переживала, что у него нет друзей. «Ребенку даже поговорить не с кем!» – часто говорила она. И правда, старый район, где стоял их бывший дом (до того, как мама Джона Страшего уехала в лесную чащу), был тихим и одиноким.

Дети, которые гуляли поблизости, не нравились Лизи. Они казались ей слишком грубыми и невоспитанными. Она слишком переживала за «нежную» психику сына. Единственной отрадой для Элизабет было отвезти Джона в родной город, к своим родителям. Там дети были «более подходящие».

Но Джону и там, и здесь было скучно. Он просто не тянулся к другим ребятам. Они даже казались ему странными. Однако утверждать, что у Джона не было друзей, было неправдой. Друзья у него были! И много! Птицы, собаки, кошки, черви и, конечно, она. Та самая необычная огненная «Она», которой Джон так и не смог придумать имя.

«Она» появлялась редко. Ее пушистый, слегка прозрачный рыжий хвост мог выглядывать из-за двери. Ласковая лапка могла постучаться в окно, а любопытная мордочка – высунуться из-под кровати.

«Она» была лучшим другом Джона младшего, но только тем другом, о котором лучше никогда не говорить. Как Джон это понял? Раннее воспоминание всплыло в его голове с удивительной точностью: однажды он упомянул про лисичку, и мама дала ему ту неприятную на вкус смесь. После этого загадочная гостья стала приходить все реже и реже.

И вот, сидя на деревянной лестнице у своего нового дома, Джон грустил. Придет ли к нему лисичка снова?

К сожалению, а может, к счастью для младшего, он быстро забыл о ней. По крайней мере, так думал сам Джон. Все дело в том, что он просто перестал ее видеть.

Рождество

Холод, аккуратно проникший через неплотно закрытое окно, медленно заполнял комнату, нарушая тепло человеческого сна. Всего несколько недель назад на городок Хистервиль обрушилась настоящая зима, засыпав все снегом. Взрослые, проклиная все на свете, откапывали машины, а дети веселились рядом. Но сегодня, почему-то, семья Бартонов крепко спала в своих постелях. Элизабет и Джон старший, родители семейства, изрядно уставшие на работе, проспали будильник.

Подготовка к Рождеству – дело нелегкое. Элизабет часто задерживалась на работе, завершая годовые отчеты. Она работала, если мне не изменяет память, в компании по продаже подержанных автомобилей и занималась, пожалуй, самым страшным трудом (особенно для ее мужа Джона) – бухгалтерией. Джон же продолжал свое писательское дело. Их сын, Джон младший, был обычным подростком. Он любил рисовать, гулять, когда громко хлопают салюты, и тайне от друзей смотрел «Губку Боба» по четвергам.

Сегодня для Джона был особенный день, можно сказать, долгожданный. Кто из детей не ждет окончания школьных будней и начала каникул? Джон ждал. Признаться, он терпеть не мог школу. Ворчливые учителя, домашние задания, вредные девчонки – все это так доставало молодого Джона, что он мечтал, как его отец после тяжелого дня, откупорить бутылку чего-то покрепче и, сидя на диване, обсуждать жизнь. Но вот чего он точно не хотел, так это отдыхать, как мама.

Маму он не понимал. Она приходила с работы, как ураган, бросала сумку в шкаф и, не успев переодеться, уже спрашивала Джона и Джона старшего о домашних делах. Необычная картина, не правда ли? У Джона младшего всегда складывалось ощущение, что в их семье кто-то перевернул все с ног на голову. Если верить рассказам друзей, у них все было наоборот: мама дома, а папа «вкалывает, как ишак» – так любил говорить один грубоватый мальчишка в классе Джона.

Будильник, переведенный в пятый раз, наконец зазвонил.

– Джон, господи! – Элизабет подскочила, словно ошпаренная, ударила себя по лбу и начала трясти мужа. – Проспали! Мы проспали!

Джон старший, едва открыв глаза, не понимал, кто он, где он и что за странная женщина орет рядом с ним.

– Джон, вставай! Мы проспали фотосессию младшего!

– Что?... – Картинка в его голове начала проясняться. «Младший... Фотосессия младшего!» Как он мог забыть?

Для Джона фотосессия казалась чем-то неважным. Сдали деньги – и ладно. Но для Элизабет это был способ доказать всем – себе, соседям, друзьям, а может, и ворчливой матери, – что они идеальная семья. «Посмотрите! Даже на фото мой сын, как настоящая модель!» Для Джона это была просто тема для утреннего кофе, перерыв между написанием романа. Но не для Элизабет.

– Фотосессия! – Теперь и Джон начал вопить вместе с женой.

К счастью для младшего, это его не касалось. Мирно спящий подросток – забавное зрелище. В его голове творились чудеса бессознательного мира. Сегодня он был не просто мальчишкой из седьмого класса, а настоящим супергероем! По крайней мере, пока не проснется.

Дверь распахнулась. Мама, уже в черных штанах и мятом джемпере, но с нерасплетенными бигуди, нарушила сонное царство Джона Младшего. Резкий свет ударил в глаза, запах яичницы с беконом донесся до спящего подростка, а мама уже начала его расталкивать.

– Вставай, солнце, вставай! – с раздражением, пытаясь сохранить привычную нежность, говорила Элизабет.

Джон встал неохотно. Он посмотрел на маму, улыбнулся, помахал рукой и отвернулся к стене. Элизабет это не понравилось, и она настойчиво развернула его к себе.

– Вставай, солнце, вставай!

Джон мало что понимал. Утренняя потерянности – его общая с отцом черта. Все происходящее казалось ему покадровым кино. Вот он бредет в ванну, не открывая глаза чистит зубы, и магическим образом оказывается на кухне, где отец запихивает в него яичницу, а мама заботливо приглаживает непокорные волосы.

– Джон, иди заводи машину... Он сам доест. Давай-давай! – Отец, готовивший завтрак, варивший кофе и одновременно одевавшийся, посмотрел на Элизабет с удивлением, но все же пошел одевать куртку.

Элизабет никогда не была строга с мужем. Они прожили вместе 14 лет, и она понимала, как важно сохранять женственность. Но в кризисные моменты она об этом забывала. Джон старший был спокойным мужчиной. Он вырос в семье со строгой матерью и неугомонной бабушкой, поэтому знал, как вести себя с бойкими женщинами.

Под четким руководством Элизабет (за такую военную твердость можно было благодарить ее отца) семья все же смогла выехать вовремя. Джон младший, все еще в процессе пробуждения, прижался к холодному окну и разглядывал соседние дома. Тут жил его друг, а в этом красном доме – одна из тех «вредных девчонок», которые так его раздражали. А в доме с синей крышей жил парень с огромной собакой. Джон побаивался собак, особенно больших, но та была добрая. Она любила детей, играла с ними и всегда позволяла себя гладить.

Школа, хоть и не была любимым местом Джона, все же имела свои плюсы – друзья. Их компания из четырех мальчишек была несокрушимой командой. Они вместе играли, гуляли, убегали от старшеклассников и дразнили «вредных девчонок». Однажды они даже прогуляли школу, чтобы посмотреть новый фильм со Шварценеггером. Но их не пустили в кинотеатр. Тогда они купили газировку, снеки и пошли сидеть на озеро.

– Дорогой, мы подъехали, – Элизабет протянула руку с переднего сиденья, поправила Джону волосы. – Обед у тебя в рюкзаке, на всякий случай положила расческу. И помни, ты лучший!

Машина уехала. Наверное, отец повез маму на работу или за рождественскими подарками. Это было не так важно, ведь вернутся они только к четырем часам.

Войдя в теплое здание, Джон поздоровался с охранником, мистером Эвансом. Тот был тучным мужчиной средних лет, который следил за турникетом и тем, чтобы в школу не проносили «лишнего». Что именно можно пронести в школу, Джон не знал, но слышал от своего друга Зака, что кто-то из старшеклассников принес травку.

– С наступающим, мистер Эванс! – поздоровался Джон.

– С наступающим, малец, – ответил охранник и открыл турникет.

Не успев подойти к шкафчикам, Джон увидел Зака. Тот уже спешил навстречу, и по его улыбке было видно, что он задумал что-то нехорошее. Зак был чернокожим пареньком, худощавым, но для своего возраста довольно высоким. Он одевался в стиле типичного крутого парня: джинсы, кроссовки Nike, футболка с логотипом школьной футбольной команды и бомбер с цифрой «33» на спине.

– А где носит этих двух засранцев? – Зак прислонился к шкафчику и сложил руки на груди.

– Засранцы? Карлу это точно не понравится, – ответил Джон.

Карл был сыном местного фермера, физически одаренным парнем. Тренер футбольной команды называл его «торпедой к победе».

Через пару минут Джон и Зак отправились в класс, где их ждали Карл и Митч. Митч был умным, но задиристым парнем. Его взрывной характер и острый ум могли как улучшить жизнь окружающих, так и превратить ее в кошмар.

– Я говорю вам еще раз! Эти маскарады не по мне, – злобно проговорил Зак.

– А что по тебе, Зак? Валяться кверху задницей перед телевизором? – парировал Митч.

– Неплохое занятие, – поддержал Карл.

Зак нахмурился:

– Да лучше бы мы на озеро сегодня пошли, чем выплясывать перед этим фотографом.

– Успокойся, Зак. Одна фотка, три урока – и домой. А завтра можем и на пруд, – успокоил его Джон.

Спустя час зимняя фотосессия закончилась. Довольный фотограф ушел, а класс отправился на обед. Ребятам предстояло отсидеть еще три урока. Это была настоящая пытка для детей, чувствующих запах приближающихся праздников.

Тем временем в машине Бартонов, измученная делами Лизи, говорила с мужем:

– Джон, как думаешь, фотосессия пройдет хорошо? – расстроено проговорила Элизабет, глядя в небольшое зеркальце внутри автомобиля.

– Думаю, все пройдет отлично!

– А ты, я погляжу, сегодня в хорошем настроении? – с улыбкой заметила Элизабет. Наблюдая, как с каждым днем муж расцветает на ее глазах, она радовалась. После провала своей прошлой книги Джон погрузился в небольшую меланхолию, из которой смог выбраться, лишь выпустив новую.

– Да, дорогая. Сегодня мне позвонили из агентства, и они просто в восторге. Говорят, я вышел на новый уровень, и в скором времени пришлют мне первую часть гонорара.

– Это просто прекрасно!

Машина медленно подъезжала к большому супермаркету. Дел было много, но они не напрягали семью Бартонов, а, наоборот, радовали. Предновогодняя суэта дарила им возможность побыть вместе, насладиться теплыми вечерами и вспомнить, какое это великое счастье – быть среди родных людей. Можно сказать, что они были типичной счастливой семьей, каких пруд пруди, но что плохого в обыденности? Что плохого, если ты счастлив каждый день просыпаться рядом с тем, кого любишь? Сидеть на мебели, которую сам выбрал, и пить из давно подаренной чашки то, что привык пить по утрам? И, несмотря ни на что, быть счастливым.

Тем не менее, каким бы крепким ни был ваш брак, беготня по магазинам могла потрепать нервы. Особенно когда в большом супермаркете полно семей, готовящихся к праздникам.

– О, Джон, посмотри! – окликнула Элизабет мужа, пока тот двумя руками нес тяжеленные пакеты с продуктами. В этот миг ему было совершенно все равно, что там хотела показать его супруга, но сказать об этом он тоже не мог. – Это же родители Зака!

– Кого?

– Ну, Зака! Мальчишка, к нам приходил. Друг твоего сына, в конце концов!

– А, Зака! – Как же Джону было все равно в эту минуту до родителей Зака. «Лишь бы дотащить», – молил он про себя.

Дело шло к четырем часам. Последний урок подходил к концу, а родители уже стояли на парковке. Попрощавшись с друзьями, Джон побрел к машине родителей. Вокруг летал снег, под ногами был характерный хруст, а сердце пылало счастьем в ожидании праздников. Фонари, украшенные новогодними гирляндами, подбадривали праздничное настроение парня.

– Ну, привет, модель! – посмеявшись, произнес отец и потрепал паренька за шапку. Его очки запотели, а смешная шапка висела чуть ниже обычного.

Элизабет поцеловала сына в лоб, и они отправились домой.

Прошло несколько дней, и наступило долгожданное Рождество. Джон, открыв глаза, первым делом побежал к большой и красиво украшенной елке. На ней висели яркие шары, праздничные украшения, а самое главное – завораживающая гирлянда.

Семья уже сидела вокруг елки: Джон старший, Элизабет, дедушка Стърт, который любил пригубить трубку даже дома (что частенько провоцировало споры между ним и Элизабет). Но Стърт был крепким и прожженным северным мужиком – один его взгляд мог поставить кого угодно на место, поэтому ссоры долго не продолжались. Тем не менее, дедушка Стърт был добрым человеком. Он всю жизнь работал часовым мастером, курил сигары и трубки, называл покойную бабушку «Моя Старушенция» и носил пышные усы. Рядом сидел дядя Чарли. Про дядю Чарли мало что можно сказать. Брат отца, единственный живой родственник по его линии. Он был добр, но груб. Часто дрался и был полной противоположностью своего брата.

Начался традиционный обмен подарками. Все радовались и смеялись. Особенно когда Джон старший подарил брату свитер с изображением глупого, но накачанного бобра, а тот в ответ вручил ему свитер с новогодним оленем в очках. Они знали, как подколоть друг друга. Старому Стърту подарили новую, сделанную на заказ трубку.

Подарки разлетались, каждый дарил что-то особенное и теплое. Но для самого младшего члена семьи время специально тянули. Подростку торжественно вручили большую коробку. Она была замотана в красную подарочную упаковку и перевязана белой лентой. «Классический стиль», – подумал Джон младший, медленно покручивая подарок. Вдруг он заметил записку с надписью: «От семьи с любовью к Джону».

– Ну давай, Джонни, давай! – в восторге прошептала Элизабет.

Джон аккуратным движением открывал упаковку, пока не увидел логотип «PlayStation». Не поверив себе, он затаил дыхание и продолжил распаковывать подарок. И тут весь мир перевернулся. Вот оно! Тот самый момент, когда жизнь мальчишки делится на «до» и «после». Это был PlayStation 2.

После обмена подарками семья отправилась к столу для рождественской трапезы. Хотя Джон изо всех сил хотел вырваться из рук родственников и потрогать новую вещицу, он понимал, что семейные традиции важны. Нарушить их было бы огромным оскорблением, а значит – скандалом. Портить праздник себе и уж тем более родственникам младший не хотел, поэтому терпеливо ел.

Праздничный стол всегда был особенным местом. Вкусная еда, разнообразные напитки, а главное – истории, которые разлетались за столом в разные стороны, создавали незабываемую атмосферу уюта. За рассказами родственников время быстро ускользало от Джона. Позже он должен был встретиться с друзьями на улице ровно в четыре часа.

Так и проходили дни. Беззаботно, счастливо. Каждый день Джон завтракал с семьей, играл в новую PlayStation, занимался физическими упражнениями и, прочитав обязательные десять страниц книги, выходил на улицу к друзьям. В тот день они крупно задержались, ведь Зак потащил всю компанию на замерзшее озеро. Карл своровал у отца зажигалку, и там они развели костер. Митч был против этой затеи, но устоять перед соблазном погреться у костра и покидать камни в замерзший лед не смог.

Посмотрев на часы, Джон ужаснулся. Девять часов вечера! Все переполошились. Надо быстрее домой! Ребята быстро засыпали костер снегом и ринулись кто куда, лишь бы побыстрее добраться до дома.

Джон добежал стремительно быстро, но, к его счастью, дома был только дедушка Стъерт. Он не ругал мальчишку. Улыбнулся, потрепал его по голове и попросил принести еще одну баночку пива из холодильника. Джон любил, когда на праздники оставался дедушка. С ним можно было то, что с другими нельзя. Конечно, в рамках разумного.

Спустя час подъехали и родители, глупо улыбающиеся и с довольным видом.

Манящая рутина

Проснувшись рано, Джон Младший вместе с друзьями отправился на типичное для них место – База. База для них была, как вы можете помнить, небольшим местом на берегу озера, где ребята собирались вдали от всех. И пришло время раскрыть вам главную причину выбора такого места.

Как вы возможно знаете, каждый мальчишка в душе авантюрист. Мальчиков, особенно подростков, то и дело тянет о чем-то да поспорить, доказать, победить.

Хистервильские подростки, как и любые подростки маленького городка, любили сочинять легенды. Придумывая истории, наша жизнь становится краше. И кажется, что обыденные вещи не такие уж обыденные.

Вокруг Хистервильского леса ходило много легенд. Дети боялись туда заглядывать, подростки постарше за деньги проводили там испытания на время, а взрослые люди просто сторожились его. И дело, конечно же, было не в какой-либо мистической истории, а в диких зверях.

Но подростковому мозгу Джона хотелось верить в "мистическое". И в тот момент, когда отработанным движением Митч и Карл разводили костер, Младшему выдалась счастливая возможность (Возможность бездействия. Нет ничего слаще и мучительней для совести, чем видеть, как работают другие.) углубить свой взгляд в лесную гущу.

Складывалось ощущение, будто лес манил и даже гипнотизировал подростка. Похожий эффект можно испытать, смотря на огонь. Джону казалось, будто обзор по бокам превращался в единую линию, а лес – в бесконечный темный коридор. И вот, оставшись с этим коридором один на один, Джону предоставлялся выбор – остаться на месте или, будто фонариком, своими глазами осветить столь таинственный коридор.

– Джонни, что сел как вкопанный! Тащи зефир!

Через день

«Стук-стук-стук» – отбивали клавиши печатной машинки Джона Старшего. Многие советовали ему купить компьютер, но мужчина знал, что в печатной машинке есть свой дух. Есть то, что принесло ему первые деньги.

Кабинет писателя – святая святых. Это знают все, кто хоть раз сталкивался с этим странным народцем. Кажется, этим людям только и нужно, чтобы уединиться где-то в маленьком уголке земли и писать.

Что касалось Джона Бартон Старшего – это так и было. Маленький кабинет на втором этаже дома, со столиком у окна и небольшими книжными полками. На столе хаотично стояли стаканы: одни были пустые, другие заменялись утренним кофе. Запах кофе, дерева и чуть спертых воздуха – романтика писательства.

Джон присмотрелся к окну. На улице был его сын. Он стоял у дерева, явно ожидая ребят. «Интересно, – подумал Джон, – о чем он сейчас думает?»

Иногда, глядя на младшего, Джон вспоминал свое детство. Оно казалось ему беззаботным, пока он не вырос. «Мамины выходки...» – не замечая того, угрюмо произнес Джон.

«Мамины выходки» – так мама Джона оправдывала свое странное поведение. Странные мужчины, приходившие за советом? Беременные женщины? Люди, приходящие, чтобы бабка Бартон первой увидела их младенца? Что вы... Это не странности, а настоящая норма для той семейки.

Джон объяснял это простой фразой: «Шарлатанка». Да, так грубо. Но как еще он мог назвать свою маму и то, чем она зарабатывала на жизнь, он не знал. Причем это подтверждалось ее цыганскими корнями, о которых знали только Джон и Лизи.

«Цыганская мама», – промелькнуло в голове Джона. – «Скажи я об этом в детстве, меня бы просто уничтожили». И это были не пустые слова. Деятельность бабки Бартон, о которой слышал весь Хестервиль, не приносила Джону «приятной» известности. Его дразнили, били, не пускали есть за общий стол. «Ведьмин сын!» – так называли его.

Джон не знал, ненавидеть или любить за такое детство маму. Глаза мужчины перевелись с окна на стоящую рядом фотографию покойной матери. На ней она была в своей обыденной, бедной одежде, с заколотыми волосами и странной улыбкой, за которой могло скрываться что угодно. Он не знал, любить или ненавидеть, но по крайней мере он помнил.

Руки Джона повисли в воздухе. Больше он писать не мог. «Перерыв», – подумал он и пошел вниз.

На кухне стояла Лизи. Сегодня был ее выходной, но тем не менее она была на телефоне. С детства младшего многое изменилось. Она стала другой. Она стала настоящей карьерной ракетой! А Джону оставалось лишь любить ее такой, какая она есть.

Джон медленно подошел и обхватил ее за талию, но та лишь недовольно пискнула. Мужчина увидел, что она разговаривала по телефону и что-то записывала. Мешать работающей женщине (особенно работающей в свой выходной) – себе дороже. Поэтому он лишь аккуратно отошел и подошел к холодильнику.

Спустя время Джон Старший вновь вернулся к писательскому столу, и по кабинету вновь раздались характерные «стук-стук-стук».

Так шли дни Джона Бартона Страшего – день за днем. От стука до стука. Пока в один обычный день он не смог написать ни строчки.

Сначала он даже не понял, что было не так! Утренний кофе стоял на прежнем месте, фотографии жены и матери смотрели на него. И даже печатная машинка, которая иногда месяцами могла не протираться, вся блестела от полироли.

Все попытки Джона заканчивались на первых строках. Для него это было необъяснимо тяжело. Будто что-то в голове отдергивало его, не давая с той же задорностью отбивать по клавишам.

Тем временем приятный запах свежезапеченной курицы разлетелся по дому Бартонов. Уставшая Элизабет прислонилась к деревянной кухонной арке и легонько произнесла: «Фух». Совмещать работу по дому и работу в офисе продаж – дело не простое, но она справилась. И точно гордилась этим.

Присев на рядом расположенный диван, она отработанным движением включила телевизор. Заработал местный Хестервильский новостной канал, где между старыми фильмами и многосерийными сериалами для домохозяек включали новости.

Она задумалась: «Сколько еще дней мне осталось до следующего отдыха? И куда поехать дальше? И...»

Недовольные топот ног перебил мысленный поток Лизи. Это спускался ее муж Джон, и он явно был недоволен.

Зайдя на кухню, он, не говоря ни слова, взял из холодильника две холодных банки пива и уселся рядом с женой. Одну банку он приложил ко лбу, другую пытался открыть руками между ног.

– Джон, что такое? – взволнованно спросила Лизи.

Джон лишь отрицательно помотал головой. Его бедный писательский мозг плавился и взрывался от того, что ему пришлось пережить за последние пару минут.

– Джо... – более напористо повторила Лизи. – Джонатан, говори.

Джон, посмотрев на яркие и пылкие зеленые глаза своей жены, улыбнулся. Оторвав от головы холодную банку, он открыл ее и протянул Лизи.

– Не идет. Весь день не идет.

– Ну, Джон! – Лизи сразу поняла, в чем дело. – Ты как будто впервые столкнулся с творческим ступором!

– Нет, Лизи. Это не то, что было всегда. Я даже предложения не могу написать, – расстроенно опустил голову Джон. – А у меня сроки, понимаешь? У меня есть строгий формат. Все знают, что новые рассказы весельчака Джона Бартона выходят каждый месяц!

– Милый, – ласково произнесла женщина, – ты загнал себя. Такое бывает... У меня самой голова кругом от всего этого безумия вокруг нас.

Джон ничего не ответил, а лишь, поставив банку на стол, смиренно лег на колени жены. Его лоб горел.

В тот же час Джон Младший, наслаждаясь последними днями зимних каникул, стоял у соседского дома в ожидании ребят. Паренек ходил из стороны в сторону, вырисовывая ногами замысловатые узоры.

«Ну и скукота», – подумал Джон, бродя взглядами по домам.

Как вдруг что-то зацепило его детский взгляд. Маленькая волна тока пробежала по его телу, и Джон, не шевелясь, всматривался в домик мистера и миссис Гард. (И, по правде говоря, при обычных обстоятельствах Джон с трудом бы даже подумал о том, чтобы бросить свой взгляд на двор этой вредной пенсионерской парочки, но тут случай был особенный!)

Он увидел маленький лисий хвост на соседском участке. Казалось бы, ничего необычного для северного городка, находящегося недалеко от леса, но в этом неуловимом хвосте, что аккуратно проскочил на глазах у Джона, было что-то по-настоящему особенное. То, что Джон никак не мог вспомнить.

– А вот и он! – послышался счастливый голос Митча.

Увидев друзей, всякая мысль о загадочной лисице исчезла.

Гостья

В тот день Джон Младший не хотел гулять с друзьями. На удивление ему самому, он собрался ранним утром и вернулся на то же самое место, где прошлым утром увидел лисий хвост. Самым забавным казалось то, что сам мальчик не понимал, почему его так тянет к этому месту.

Он встал под деревом, что давно укрылось снегом, и пристально всматривался в соседский участок. Холодный утренний воздух обдувал его щеки, а предательские сопли норовили пойти наружу, но он не давал им шанса.

«Почему я здесь?» – спрашивал себя Джон, наблюдая за участком. И вот, когда терпение юноши заканчивалось, он увидел ту самую гостью. Она аккуратно стояла у его ноги. Это была худенькая и довольно болезненного вида лисица. Ее грязная шерстка скомкалась, носик беспорядочно шмыгал, а ее заплывшие нечищеным гноем глаза вызывали омерзительную боль в груди парня. Джон ошарашенно отступил назад и врезался затылком в дерево. Его прижало

к деревянному предателю, а голова кричала: «Заразная!» Парень знал о таких – мама тысячу раз говорила остерегаться диких животных. Один укус – и вот ты на больничной койке. Джон, медленно отступая, пытался аккуратно уйти от лисицы, но гостя лишь смотрела на него блестящими карими глазами. От нее пахло плохо. Слишком плохо!

Но в ее взгляде не было агрессии, свойственной диким животным, и самое поразительное – не было и того самого «животного». Джону казалось, что лисичка прекрасно понимает, кто он, и что его действие для нее выглядит несколько по-дурацки. Но Джон все медленнее и медленнее отступал.

Гостя лишь фыркнула и, сложив лапы, легла, уставившись на Джона.

Не теряя времени, парень побежал домой, где уже сонная мама лениво потягивалась на кухне. Ее удивление не было предела, когда она увидела своего сына не мирно валяющегося в постели, а бледного и испуганного. Но не это было для женщины самым поразительным. А то, что на часах было 8 утра. Джон же лишь сказал, что вышел на утреннюю «пробежку». Услышал, что это полезно, но быстро передумал. (Все мы бегуны до того момента, когда не прозвонит будильник.) На удивление Джону, мама лишь улыбнулась, похвалила сына за начинание и плюхнулась на диван.

Сидя у себя в комнате, Джон не мог собрать мысли воедино. Мысль о лисице плотно засела в его голове и, судя по всему, уже разложила в его черепной коробке походную палатку. И чем бы мальчик ни занимался, весь день он думал лишь о ней. О странной госте. Пока к вечеру до него не дошла та самая мысль. Он видел ее в детстве.

Принять это было сложно. Воспоминание о его друге-лисичке всегда рассматривалось им как детская фантазия. Как то, что есть у всех детей, и, как положено, во взрослом возрасте забывается. Но что бы сделали эти «все», если бы вживую встретили своего воображаемого друга?

Любопытство – коварная черта человека. Страх может бить по коленям, но любопытство даст костыли, чтобы дохромать до цели. Ровно в 7 утра поставленный будильник разбудил младшего. Кровать, охваченная легким рассветным солнцем, манила парня обратно, но, набравшись решимости, он тихо покинул дом.

И вот все то же дерево, все тот же вид и все тот же он. Это казалось безумным и глупым. Его взрослая часть души кричала о том, что он глупец и ведет себя как маленький ребенок, который поверил в сказки. «Обычное совпадение, – говорил он себе, – совпадение, да и только!» На свете много лисиц, и если каждую считать за своего воображаемого друга, в скором времени вас встретит удивительное место – кабинет психотерапевта.

Джона посмешила эта мысль, но в то же время сильное растроила. Топча землю ногой, он, посмеявшись над собой, решил вернуться домой. Как вдруг его нога столкнулась с чем-то мягким и теплым.

Гостя лежала у его ног и мило фыркала. В этот раз она выглядела более опрятно: шерстка старательно вылизана, глаза чистые. Лишь худобу никуда не скроешь. Скрутившись клубком, она медленно опустила голову на ботинок Джона. Парень застыл. Неумолимое желание погладить ласковое животное промелькнуло в нем, но неумолимый страх – «а вдруг как цапнет?» – заставлял держать руки при себе.

Каждый день, будто по ритуалу, младший выходил во двор, чтобы поиграть со своим новым (или давно забытым старым) другом. И все шло прекрасно до того момента, когда любимое животное не пришло к Джону, подергивая израненной лапкой.

Незабываемая ночь

Да, я понимаю... Да. Да! Ага... Нет, ну ты тоже перегибаешь! Да, такое бывает. Ой! За одиннадцать лет нашей с тобой работы я не могу взять перерыв? Ага... Ну да-да-да... Попробуй. Угу. Попробуй взять у них отсрочку, и я что-нибудь придумаю. Да, спасибо, Мики», – договорил Джон Старший и положил трубку.

Он взялся за голову. Уже третьи сутки он не мог сесть за писательскую машинку. Он ходил из угла в угол по своему маленькому кабинету, то ложился на диван, то спускался за очередной бутылкой пива, содовой или кофе. Но ничего не помогало. И как на зло, его «любимый» редактор Мики подливал масла в огонь. Все было бесполезно!

В этот же миг, когда дома находился лишь отец (да и то запершийся в своем кабинете), Джон Младший, неся лисицу на руках, аккуратно поднимался на второй этаж. На лапе животного зияла огромная рана. Судя по всему, кто-то из собак прокусил ее. Джон не был врачом, но старался действовать максимально профессионально. Каждый шаг он делал осознанно, без лишних движений. В любой момент скрипнувшая доска могла выдать его, а испуганный зверь – запищать. Но, к счастью, лисица сидела спокойно, даже время от времени облизывала руку мальчика.

Когда самый сложный этап был пройден, Джон подошел к небольшой ванне. Тихим, элегантным движением он открыл дверцу и с точностью сапера положил лисичку на пол. Горячий пол – настоящее чудо нашего времени! Животное не вскрикнуло, не пискнуло, а лишь водило глазами. Вдруг ее взгляд упал на небольшое зеркало в ванной. Перепугавшись, лисица дождалась, когда мальчик отвернется, и ловким движением перебралась в угол, скрытый от зеркала. Джон, ничего не замечая, копошился в аптечке, помня главное правило: «Профессионалом тебя, конечно, делают знания, но важный вид – это уже полдела!» По крайней мере, так его затея выглядела более-менее адекватной.

Парень достал перекись водорода, перчатки, вату, зеленку и бинт. Подходя к лисице, он подумал: «Вот тот самый момент, когда она меня укусит». Но раненый зверь лишь счастливо запищал и позволил обработать рану.

Джон радовался, зверь терпел. Казалось, все были счастливы, как вдруг послышались тяжелые шаги на лестнице. Это спускался Джон Старший.

«Вот черт!» – запаниковал Джон. Подскочив, будто увидел смерть, он быстро запихал все вещи в аптечку, накрыл лисицу полотенцем, спрятал за ноги и, сам не понимая зачем, начал чистить зубы.

Дверь медленно открылась, и в нее заглянул отец.

– Ты только зубы чистишь? – лениво потянулся отец.

– Ага, пап. И тебе доброе утро, – ответил Джон, нервно улыбаясь.

Он мялся, боясь, что животное пискнет или пошевелится. Но отец лишь оценил сына взглядом, указал на полотенце и сказал:

– У тебя полотенце валяется.

После чего пошел вниз. Джон выдохнул. Когда шаги затихли, он подхватил лисицу и побежал в свою комнату.

Там он сделал все по высшему разряду! Нашел старую куртку, постелил под кровать, уложил пациента и прикрыл пледом. Он мог гордиться собой. Пока лисица фыркала и нежилась в новой «постели», Джон думал, сколько же он сможет продержаться у себя. Но мысли прервали шаги у его двери.

Джон подскочил, задвинул лисицу под кровать и встал по струнке. После двух тяжелых стуков появился отец. Он выглядел грустнее обычного и с легкой наигранной улыбкой сказал:

– Мамы нет, готовить мне лень. Как насчет пиццы? Доедем до «Старого Италия» и закажем что-нибудь?

Джон закивал, возможно, даже слишком быстро для этой ситуации. «Что ж, делать нечего», – подумал он и, взглянув на отца, показал ему большой палец вверх. Отец ответил

тем же и ушел одеваться. Младший, не теряя ни минуты, выскочил на лестницу и побежал на кухню. Он точно не знал, что едят лисы, но принес пару фруктов, стакан воды, стакан молока и кусок замороженной рыбы.

Увидев все это разнообразие, лисица явно удивилась, облизнулась, но есть не стала.

– Стесняется, – тихо проговорил Джон, улыбнулся и пошел собираться.

День пролетел незаметно, и, как вы понимаете, одним «Старым Итальянцем» дело не закончилось. Захватив маму с работы, семья вернулась совсем поздно. И все это время Джон мысленно представлял, какие ужасы может сотворить дикий зверь, оставшийся в его комнате.

Вернувшись домой, младший медленно побрел к своей двери. «Ох и получу... Ох и получу я!» – кричал он про себя и, открыв дверь...

Ничего. Ничего не было. Еда осталась нетронутой, постель не разодрана. Парень выдохнул, но новая волна тревоги захлестнула его. Ужасный локомотив мыслей пронесся по его голове: «А вдруг она сдохла?» Джон, не мучая себя, робко заглянул под кровать, уже предвкушая запах мертвой тушки, но встретил лишь ободряющий язык, который лизнул его нос. Второе «Фух!» сорвалось с его губ.

И хоть ему было страшно, он понимал, что не может оставить своего друга с подбитой лапой на улице. Но так же он не мог рассказать родителям, сам не понимая почему. Что-то внутри кричало ему об опасности.

Дело шло к ночи. Джон, после удачного ужина, проверил лисицу. Еда так и осталась нетронутой, но животное спокойно опиралось на свою лапу. Младший гордился собой. И с чувством собственной важности лег в кровать. И пусть комната воняла размороженной, пролежавшей на полу весь день рыбой. Он спас животное, а значит, он – хороший человек.

Приятные мысли убаюкали Джона. Но теплый сон длился до тех пор, пока на часах не наступило три часа ночи.

Сначала Джон не понимал, почему он просыпается. Странный шуршащий звук бил по ушам. Лениво приоткрыв глаза и почуяв отвратительный запах рыбы (о да, ее точно надо было выбросить...) и чего-то похуже, он сморщился. Это «похуже» напоминало ему запах испорченной курицы или давно стоявшего в холодильнике молока. Кисло-сладкая смесь. Смесь, которая могла заставить вернуть весь съеденный ужин обратно.

Младший, вертя головой, пытался найти источник звука. В темноте все было тускло, и только когда его глаза привыкли к тьме, он увидел свою гостью. Лисица нервно царапала дверь. Животное билось в панике. Но стоило ей увидеть Джона, как она подскочила к нему, запрыгнула на колени и перевязанной лапой стала бить по его груди.

– Что... что случилось? – сонно произнес Джон.

Худая лисица схватила зубами ночную рубашку младшего и потянула на себя. Сначала, в полусне, казалось, будто животное решило атаковать его, но ее глаза были большие и испуганные. Джон, взглянув в них, почувствовал неумолимый страх и переживание. И, видя в отражении себя, ему казалось, будто он слышит ее мысли. «Быстрее!» – «Быстрее! Впустите меня!» – вопила лисица в голове Джона. Парень уже собирался встать, как вдруг рубашка порвалась, и лисица с грохотом повалилась на пол. Животное истерично задергало лапами, перевернулось и, вновь побежав к двери, остановилось.

Джон, испуганный, молча смотрел на нее, пока лисица с каждой секундой все сильнее и сильнее сжималась в клубок. Джон оглянулся. Все стало слишком тихо.

Морда лисицы упрямо смотрела в окно. Не моргая, она устремила туда свой взгляд, застыв и будто не дыша. Джон медленно подобрался к окну и в свете фонарей увидел...

Сначала он толком ничего не разглядел. Улица, дома, свет фонарей. Джон посмотрел на лисичку и развел руками, будто говоря: «И что за паника?» Но животное, уже упираясь спи-

ной в дверь, медленно порывивало в его сторону. Младший вновь услышал голос: «Пожалуйста, Джон. Пожалуйста, выпусти! Мне надо... Нам надо бежать!» Джон стоял как вкопанный. Впервые за долгие годы он слышал «ГОЛОС». Он был знаком с ним. Можно сказать, это был его давний инструмент, который затерялся в уголках разума. Но что-то будто дернуло Джона за плечо, и он обернулся.

В ночной тишине раздались шаги и громкие матерные песни. Вместе с девушкой, в обнимку, шел молодой человек. На вид младший не мог разобрать, кто это был, но девушку узнал сразу. «Да это та вредная девка из того большого дома!» – промелькнуло у Джона. Глаза мальчика засветились, наблюдая за ситуацией.

Парень, что шел с девушкой, явно хорошо набравшись, пел что-то невнятное, а девушка, видимо, сгорая от позора, пыталась побыстрее добраться до своего дома. Молодой человек, больше походивший на молодого хряка, буквально висел у юной дамы на плечах, то и дело размахивая бутылкой. Как тут, судя по всему, подумал Джон, молодой хряк вспомнил, что он не просто хряк, а еще и смелый парень. Он резким движением повернул девушку (чуть не свалившись на землю, но если ноги удержали, значит, и силы еще есть) и, не теряя минуты, впился губами в нее, не забыв крепко обхватить ее бедро. Младшему стало противно. «Как же, наверное, от него воняет», – подумал он и ощутил странное жжение в груди, переходящее куда-то в кишечник. Это была ревность.

Но девушка была не из робкого десятка и, видимо, исчерпав всякое терпение, врезала парню прямо между ног. Неудачливый Ромео скрутился, пока девушка быстрым шагом удалилась прочь. Видимо, удар пришелся настолько сильно, что бедолага упал на колени, а после повалился на бок. Вглядываясь в сложившуюся картину, Джон ощутил, как его зрение стало острее, а слух – проницательнее. И хоть рядом от страха скреблась лиса, младший будто заледневший смотрел на валяющегося на бетоне парня. Тот, в свою очередь, с трудом поднялся, смачно выругался (и явно сказал пару тех слов, которые не говорят дамам сердца) и, чуть прихрамывая, побрел в сторону.

Но Джона не отпускало странное чувство того, что в округе стало слишком тихо. Это выглядело так, будто кто-то случайно нажал на кнопку выключения звука.

Как неожиданно для себя, Джон заметил, что запах гнили стал сильнее и сильнее. Кислосладкий запах заполнял все ноздри подростка и тянулся в непонятном направлении. Младший поднял взгляд и увидел нечто.

Темная фигура, покрытая тьмой, выглядела как медведь с рогами, но с худощавым человеческим телом. Его правый бок был изодран, и сквозь небольшие отверстия в коже выглядывали ребра. А морда напоминала почти оголенный череп. Не в силах оторвать глаза, Джон увидел, что морда твари напоминает смесь медведя, оленя и человека. Челюсть, которая безвольно висела на мягких тканях, болталась и иногда смыкалась, чтобы сглотнуть черную жижу.

На секунду весь мир остановился. И, моргнув несколько раз, Джон увидел, как стоявший рядом парень лежал изодранный на асфальте. А рядом с ним была тьма...

И стоило ему моргнуть еще раз, как довольная омерзительная морда уже смотрела на него. И обернувшись на лису, видимо в надежде спрятаться, он увидел худую рыжую девушку, которая умоляла его открыть дверь.

В это время Элизабет и Джон Старший мирно спали в своих постелях. Пока ужасающий дергающий звук не разбудил их. Кто-то дергал за ручку двери, и дергал так быстро, будто желал поскорее выскользнуть. Джон Старший, не теряя минут, выхватил из-под кровати битую бутылку и пулей полетел к входной двери. Но то, что он увидел, он не забудет никогда. На пороге стоял его сын. Он смотрел в тьму, а его руки были опущены. Дверь, открытая нараспашку, качалась из стороны в сторону. Не понимая, что происходит, Старший злобно окрикнул своего сына. Но тот лишь стоял на месте. Отец подошел ближе, но что-то ёкнуло в его груди. И стоило ему положить руку на плечо сына, как его тело сразу стало мягким, и младший упал на него.

Джон Старший кричал, чтобы его жена вызвала скорую, но Лизи могла лишь смотреть и плакать.

Дети играющие во взрослых

Зак проснулся. На весь дом пахло его любимыми оладьями. Не спеша подтянувшись, он натянул на себя штаны, наспех застелил кровать и открыл окно. На улице стояла прекрасная погода. Взглянув на часы, он увидел, что совсем скоро стрелка пробьет 12 часов. «Ого! – подумал Зак. – Круто, я поспал». Буквально через полчаса должен был подоспеть Митч.

Заку не была свойственна торопливость. Даже когда через полчаса мог прийти его друг. Лениво подтянув штаны, он вышел из комнаты (аромат свежих оладьев манил все сильнее) и направился в ванну. В доме раздавался громкий храп отца и настойчивый голос матери, которая, по-видимому, что-то доказывала своей подруге. В отличие от семьи Джона, семья Зака была громкой. Здесь любили петь, кричать, перебивать. Ну, такой уж нрав у южан, переехавших на север. А что касается споров... Ух! Если вам нужен хороший спор, вам непременно нужен южанин. Даже сам Зак, родившийся уже на севере, замечал, что тоже любит поболтать и сунуть свой нос куда не просят.

Чистя зубы, Зак задумался о предстоящем дне. Встретиться с друзьями, погулять до пяти часов, потом домой и на вечернюю тренировку по плаванию. Денек обещал быть непростым.

Зак вышел в коридор и вновь взглянул в окно. «Очкарика пока нет, можно будет поваляться у телека», – думал он. Но его планы нарушились, когда, войдя на кухню, он увидел Митча. Тот во все щеки ел любимые оладьи Зака, запивая фруктовым соком, и как-то умудрялся отвечать его маме.

– Ну посмотрите-ка! – выкрикнула вдруг мама Зака. – Король явился!

– Привет, мам, – промямлил Зак, еще удивляясь наглости друга. – Митч! Проворный ты го... парень. Решил мой завтрак на бордаж взять?

Митч улыбнулся:

– А что ты...

– А ну-ка, Заки! – перебила мама. Властная женщина. Ничего не скажешь. – Мальчик ждал тебя на морозе, пока ты грел булки. Так что без паясничества. Давай садись уже завтракать.

Мальчики позавтракали, пока мама Зака убиралась по дому. Вскоре проснулся отец. Отец Зака был огромным черным мужчиной с богатыми от природы плечами и большим волосатым животом. Так он и вышел к ребятам – в шортах и... всё.

– Шелли! Прохвостка, так и знал!

Ребята переглянулись.

– Шелли, объясни мне это! – отец Зака показал пальцем на ребят, пока Шелли, его жена, недоумевая, улыбалась. – Я, значит, сплю, а ты мужиков в дом водишь, да еще моим завтраком кормишь! Ух... Женщина!

Все засмеялись. Митч и Зак – больше от облегчения. Они пожали друг другу руки и, собравшись, отправились на улицу. Пора было встречать Карла.

Карл жил на ферме, и дойти пешком до нее было то же самое, что повторить подвиг Геракла. Поэтому мальчика подвозили родители до любимой кофейни, а там его встречали друзья.

Подойдя к назначенному месту, ребята увидели, что великан Карл уже стоял там и махал им рукой. Оставался только Джон. По пути мальчики долго обсуждали план прогулки. Скинувшись немного наличкой, они планировали зайти в «Чакки-Чиз» и взять там четыре молочных коктейля и одну небольшую экстрасырную пиццу. Такой праздничный стол был связан с тем, что каникулы подходили к концу! Ужасная новость, которую можно было смягчить только сладким молочным коктейлем. И только шоколадным!

Подойдя к дому, ребята принялись кричать в окно товарища. Никто не ответил.

– Странно... – задумался Карл и, не дожидаясь друзей, постучал в дверь.

Через две минуты на пороге появился Джон Старший с характерной ему легкой улыбкой.

– О, привет, ребята!

– Здравствуйте, мистер Бартон! – отозвались хором мальчики.

– Вы же за Джоном, верно? Я его позову.

Джон Старший скрылся за дверью и пропал на десять минут. За дверью были слышны разговоры – довольно бурные обсуждения женского и мужского голоса. Еще через пять минут мужчина вновь появился.

– Ребята, боюсь вас расстроить, но, наверное, младший не выйдет.

Ребята переглянулись.

– Он заболел, – продолжал Джон. – Младший не выходил на завтрак, на обед и весь бледный. Мы думаем, он заболел.

С того момента прошло несколько дней, когда ребята решили собраться снова. Они не хотели гулять без Джона, поэтому договорились дождаться выздоровления друга. Тем не менее младший даже отказывался поднимать трубку телефона, выгуливать свою собаку Лоли и в принципе как-то выходить наружу. Родителей это пугало. Они не знали, что с их сыном приключилось в ту ужасную ночь, ведь подросток наотрез не хотел говорить. Бартоны даже думали сводить Джона к психологу, но тот даже не захотел выходить из своей комнаты! Дело приближалось к абсурду. Сплетни распространялись, а с ними вместе – крайне неприятная весть.

На улице, где стоял дом Бартонов, случилось немыслимое горе. Пропал молодой человек. По правде говоря, молодые люди – дело тяжелое. То уйдут куда-то ночевать, то напьются «чего-то покрепче». Ну, кто из нас не был молод? Но одно дело, когда ваш непослушный сын (а таковым и был тот мальчик) сбежал от вас после скандала (что и правда произошло в ту ночь). Но другое – когда он не появлялся дома три дня.

Начались поиски. Соседи, в том числе и Бартоны, помогали семье потерянного мальчика всем, чем могли. Поддержка, утешительные подарки и, конечно, помощь полиции в поисках. Да, тот парень был сорванец, но домой-то всегда возвращался. Прошлись по друзьям – пусто, по друзьям друзей – тоже пусто. Даже в местный неблагополучный район зашли, но, как вы уже поняли, тоже пусто. Так поиск завел полицейских в недалеко расположенный лес, где, к сожалению, и нашли парня.

Раны были страшные. Беднягу хоронили в закрытом гробу. Родственникам даже не дали взглянуть на него. Официальная версия – загрызен медведем. Нередкая картина для севера.

Люди начали опасаться, поэтому в городе встал негласный комендантский час до поимки животного. Как вы уже могли понять, никакого медведя так и не нашли. Поползли слухи. Детей боялись надолго отпускать на улицу. И только один мальчик знал и видел, кто это был. Но к Джону мы вернемся чуть позже.

Митч валялся в постели и слушал ссоры между мамой и сестрой. О чем они спорили, мальчик толком не понимал. Сонливость еще не покидала его голову. Но одно он точно понимал – Киру не выпускают из дома. «Подростки – вредные существа. Девочки-подростки – отвратительные существа», – подумал Митч. Сестру он любил (конечно, не в период, когда она ссорилась с мамой перед его дверью), но иногда скверный характер сестры вымораживал его. Тем не менее он всегда считал себя настоящим защитником своей сестры и мамы. Отца у них не было. Он ушел, когда мать Митча забеременела Кирой. Они были молоды, страстны, и все повернулось так, как часто бывает в подобных историях. Поцелуи, крепкий алкоголь и то, что уже нельзя исправить.

Тем не менее мама Митча была крепкой женщиной. И хоть иногда она и топила свое горе в красном вине, она хорошо понимала жизнь. Так же хорошо, как и понимала, как втюхать вам вот ту безделушку. Вы правильно поняли, мама Митча была прелестной продавщицей. Ее талант продавать вытаскил ее из самых тяжелых перипетий жизни.

Митч вслушивался все сильнее и сильнее. Скандал доходил до своего апогея и сдавать обороты не собирался.

– Да что ты вообще понимаешь?! – перешла на крик Кира. – Ты, может, и хочешь пробыть всю жизнь в этой конуре, но я не собираюсь тратить лучшие годы на это...

– Я выкормила двух детей и что-то смыслю в этой жизни, – перебила Сара (мама Митча) свою дочь и сделала это весьма спокойно.

Серьезный тон матери и взгляд в душу чуть усмирили дочь. Прослушав еще какое-то время, Митч понял, что ему надоело это слушать. Дело было, как всегда, в одном – в Дикенсе. Вы спросите меня, что еще за Дикенс? Недавно появившийся парень Киры – отвечу я вам. Митч не возлюбил его сразу. Он был большим, широкоплечим парнем в косухе. К тому же был на четыре года старше его сестры! Он уже имел щетину и славился довольно дурной репутацией в городе.

Знакомство Дикенса и Киры произошло на вечеринке у их общей подруги. Как это в принципе и бывает. Что такого сделала его сестра, чтобы понравиться этому «тупому» лбу, – Митч даже представлять не хотел, лишь надеялся, что ничего постыдного.

Парнишка любил свою сестру, оттого и оберегал ее. И если бы спросили Митча, что он планирует сделать, если его сестру обидят, он без сомнения ответил бы вам одной фразой: «Бинго!». Так парень называл хороший удар по шарам.

Время тянулось, живот начинал сводить. «Пора вставать», – подумал Митч, уверенно вскочив с дивана. Распахнув дверь, мальчик обезоружил двух кричащих рядом женщин. Они смотрели на него, а он на них. Прошло несколько секунд, и сонные глаза смирили сначала мать, потом сестру.

– Солнышко, мы что, разбудили тебя? – взволнованно промямлила мама.

– Пф, ну да. Вытри ему еще слюни! – выкрикнула сестра и быстро пошагала себе в комнату. Раздался дверной хлопок. Типичный подростковый бунт. Митч не сердился, он понимал, что агрессия сестры направлена вовсе не на него.

Утро прошло неплохо. Ну, по крайней мере, дальше шло без скандалов. Митч доедал свой завтрак (омлет, аккуратно разложенный на тарелке с беконом без лишних поджарок. Митч трепетно относился к еде, и это знали все), сестра все еще сидела в комнате, видимо, демон-

стративно показывая свое недовольство, а мама летала рядом, попутно одеваясь, завтракая и разговаривая по телефону. Шальная женщина!

– Да-да-да-да! – говорила мама, между тем как затолкать в себя остаток яичницы. – Угу... угу... Ага!

«Очередная сделка?» – подумал Митч. Но долго забивать голову не стал, вспомнил, что прошло уже несколько дней, как он не встречался с друзьями. Дождавшись, пока мама положит трубку, Митч схватился за нее и радостно начал набирать номера четырех друзей, что знал по памяти. Сначала ответил Зак, дал согласие, потом Карл, что тоже не мог отказать, и оставалось самое волнительное – узнать, как дела у Джона. Пошли гудки. Долгие протяжные гудки.

– Да? – ответил мужской голос.

– Доброе утро, мистер Бартон! Это Митч. Можно Джона к телефону?

– А!.. Митч... – продержал паузу мистер Бартон. – Секундочку-секундочку.

Митч радостно пристукивал пальцами по столу. Он чувствовал, что близок к победе.

– Привет, Митч, – раздался тихий голос Джона.

– Ну, привет, ковбой! – радостно отреагировал Митч. – А где же «кхе-кхе?» И громкое апчи?

– Я не особо понимаю, о чем ты, дуралей, – чуть радостнее ответил Джон.

– Дуралей? Ну, тебе и влетит при встрече! Кстати, о встрече... – Митч выждал трагическую паузу. – Надеюсь, ты не набрал себе дел на день? Ведь мы скоро собираемся вырвать тебя из дому.

– Вырвать! Ох! – Голос Джона звучал лучше. Ему определенно нравилось слышать Митча. – Я на секундочку болен неизвестным вирусом! Если вы хотите подцепить заразу на свои задницы, пожалуйста!

– Ты?! – Митч сильнее разыгрывался. Это была их любимая игра с парнями – «Болен?!»

– ДА! – И Джон выдавил такой громкий «Кха!», какой только мог сделать, и был он таким мерзким, что если бы рядом проходила компания «Вредных девок», они бы по-любимому закричали: «Фу!»

Мальчишки рассмеялись.

– Ладно, Джон. Собирайся, мы скоро зайдем.

– Жду! – весело ответил Джон и положил трубку. Сделал он это без задней мысли, позабыв о своем страхе.

Джон долго размышлял над тем, что тогда он увидел. Долго пытался забыть, но без толку. Тогда пришло самое логическое и обоснованное объяснение всему происходящему – ему приснилось. Иначе объяснить он это не мог. Каждый день, что Джон притворялся больным (а выглядел он и правда больным), он высматривал чудище. А самое главное – он больше не видел лису.

Джон так ничего и не нашел. Он плохо спал ночами, вставал и следил, но нет. Совершенно ничего. Джон размышлял: если бы это произошло по-настоящему, он бы точно увидел кровь или еще что-то похуже. И приехала бы полиция...

Слухи доходили до Джона, что отец уходил на поиски какого-то пропавшего «мальчика». Но Джон же видел не мальчика? Да и бывают же в жизни совпадения? Конечно бывают!

Джон каждый день успокаивал себя в том, что это был всего лишь сон. Его психика приняла это, и парню становилось с каждым днем все лучше.

Родители лишь радовались, что сыну становилось лучше. Он бодро спускался завтракать, играл в новую приставку, и, о чудо! – отправился гулять. Вид его был намного лучше. Джон Старший без труда отпустил мальчишку гулять, лишь проверив, тепло ли он одет.

Когда младший одевал ботинки, на пороге уже стояли довольные друзья. Они все соскучились друг по другу. Но только стоило выйти за порог дома, как Джона одолело странное чувство страха. И не простого страха, когда он забыл домашку дома, а животного. Страх смерти. Глаза мальчика расширились, а пульс участился. Сердце начало колотиться, словно бешеное, а дыхание стало рваным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.